

12+

МАРИЯ СЕМКИНА

Мама, я сам!

ГЛИНКА

Мария Семкина

Мама, я сам! Глинка

«Издательские решения»

Семкина М.

Мама, я сам! Глинка / М. Семкина — «Издательские решения»,

Повести о мальчике с ДЦП, его мыслях, о его победах, достижениях, трудностях и что для него очень важно то, что другие делают легко. Вторая повесть о военном детском санатори, о сложных судьбах родителей и детей, о том что все трудности можно преодолеть вместе. И главное верить и будет результат.

© Семкина М.

© Издательские решения

Содержание

Мама, я сам!	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Мама, я сам! Глинка

Мария Семкина

© Мария Семкина, 2026

ISBN 978-5-0070-6493-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мама, я сам!

Я родился в хорошей семье. Но что-то пошло не так в моем рождении и я пережил асфиксию, а потом реанимация, ИВЛ. Я рос, был слабже и отставал от других детей. Поздно сел, встал. Долго не ходил и дед не верил в диагноз и водил меня за руку по солнечному городу пока сам не устанет и не право вал устал ли я. И я пошел! Сколько радости было у мамы. Бесконечные массажи, ЛФК, невролог. А помогла обычная ходьба! Прощай коляска. Кто в теме, тот поймет, что такое КОЛЯСКА. Сооружение на котором не все доступно в городе с доступной средой, да что там в городе в учреждениях с инклюзией и доступностью для всех, часто отказывают в обучении человеку, если он на коляске! Да остался гемипарез, да не могу что-то делать рукой. Да меня до сих бояться послать в дальний магазин или школу одного. Я прошу у мамы часто не подарков, а о пустить меня одного куда-нибудь дальше моего двора. И вдруг чудо я поступил в колледж на оператора ЭВМ с элементами программирования. Мама сняла сначала квартиру, а потом купила ее рядом с колледжем и это самый большой подарок на мое построение. Нет не квартира, а то, что могу ходить сам в колледж! Один! У меня есть младший братишка, младше меня на 10 лет, умный и самостоятельный. Но он не сможет мне помочь, да и не хочет. Как я к нему ревновал...

Я сидел на кухне, прижимая к груди кружку с горячим чаем, и смотрел, как за окном кружатся первые осенние листья. Братишка, Артём, носился по комнате, собирал рюкзак — завтра у него олимпиада по математике. Он щёлкал всё на лету, будто мир был для него простой и понятной схемой: вот задача, вот решение, вот победа. Ая... я просто радовался, что могу сам дойти до колледжа, сам купить себе батон в магазине у метро, сам постоять в очереди, не чувствуя на себе эти взгляды — сочувственные, неловкие, будто я стеклянный.

Иногда Артём бросал на меня короткие взгляды, будто хотел что-то сказать, но не знал как. А может, и не хотел. Он рос в другом мире — в том, где лестницы не казались непреодолимой стеной, а лифт не был единственным шансом попасть на второй этаж. И я ревновал. Не к его уму, не к лёгкости, с которой он всё делал, а к этой его свободе — будто она была чем-то само собой разумеющимся.

Однажды после занятий я задержался в колледже: преподаватель по программированию, строгий, но справедливый, позвал меня остаться.

— Ты стараешься, — сказал он, глядя поверх очков. — Вижу, что тебе тяжелее, чем остальным. Клавиатура, мышь, скорость печати... Но у тебя есть то, чего нет у многих: ты не сдаёшься. И ты думаешь. Не просто копируешь код, а пытаешься понять, как он работает.

Я тогда чуть не покраснел от смущения, но внутри всё загорелось. Это было не жалостью сказано, а как констатация факта — будто моя упорность стала моим главным навыком.

По дороге домой я шёл медленно, но уверенно. Ветер трепал куртку, а я улыбался. И вдруг понял: мне не нужно, чтобы Артём меня спасал. Не нужно, чтобы мама каждый раз провожала взглядом до поворота. Мне нужно, чтобы они просто верили, что я справлюсь.

На следующий день, когда Артём собирался на тренировку, я подошёл к нему и сказал: — Слушай, ты не мог бы... не помогать мне сегодня? Ну, в смысле, не делать за меня то, что я могу сам. Я не хочу быть тем братом, которого вечно надо тащить.

Артём замер, рюкзак сполз с плеча. Он посмотрел на меня так, будто увидел впервые.

— А ты можешь? Сам?

— Могу, — твёрдо ответил я. — Просто дай мне шанс.

Он кивнул, и в этом кивке было что-то важное — не снисхождение, а уважение.

С тех пор всё потихоньку менялось. Артём перестал делать за меня мелкие дела, а я перестал злиться на него за эту самостоятельность. Вместо этого я начал замечать, чему могу у него научиться: как быстро находить информацию, как структурировать мысли, как не бояться

ошибиться. А он, кажется, начал видеть во мне не «брата, которому тяжело», а брата, у которого есть чему поучиться.

В колледже дела шли лучше. Я писал код медленно, но старательно. Иногда пальцы не слушались, и приходилось искать обходные пути: использовать голосовые команды, настраивать горячие клавиши, просить помощи у одногруппников — но не как одолжения, а как обмен: ты мне подсказку по синтаксису, я тебе — идею для проекта.

Однажды вечером, когда мама уже спала, а Артём тихо шуршал учебниками в своей комнате, я сел за ноутбук и начал писать. Не лабораторную, не конспект, а что-то своё — простую программу, которая должна была считать шаги. Не ради оценки, не ради диплома, а ради того, чтобы доказать себе: я могу создавать. Пусть медленно, пусть с ошибками, но могу.

И когда на экране появилось первое сообщение: «Вы прошли 500 шагов!», я улыбнулся. Это были не просто цифры. Это была моя маленькая победа — над страхом, над сомнениями, над тем, что когда-то казалось непреодолимым.

А потом я услышал тихий голос Артёма:

— Круто. А можно я посмотрю, как ты это сделал?

Я поднял глаза, кивнул и подвинул стул. И в тот момент я понял: мы наконец-то стали не просто братьями, а союзниками. Каждый со своими сильными сторонами, каждый чему-то учится у другого. И этого было достаточно.

Дни шли, и моя рутина стала моей опорой. Каждое утро я сам собирал рюкзак, проверял, всё ли на месте — ноутбук, зарядка, пара конспектов, которые я переписывал так, чтобы мне было удобно читать. Потом надевал куртку, застёгивал её левой рукой, а правой придерживал край — так выходило быстрее. Мама стояла в прихожей, иногда хотела помочь, но сдерживалась: только улыбалась и говорила:

— Ты уже совсем взрослый. Я смотрю, и не верится, как ты всё сам делаешь.

Я кивал, старался не показывать, как эти слова греют. Потому что раньше, когда появился Артём, всё было иначе. Я помнил, как мама бегала с ним по кружкам, как гордилась каждым его «я сам», а ко мне подходила с другой интонацией — мягкой, осторожной, будто я был чем-то хрупким. И да, она ездила со мной на реабилитации, сидела в коридорах поликлиник, держала за руку, когда мне было страшно. Но гордостью её тогда был Артём — его самостоятельность, его лёгкость. А меня она всё ещё хотела защищать.

Теперь всё поменялось. Не потому что Артём стал хуже — нет, он рос, учился, побеждал на своих олимпиадах. Просто я наконец-то доказал и себе, и ей, что могу быть не «тем, кого надо беречь», а тем, кто сам строит свою дорогу.

Однажды я вернулся из колледжа позже обычного. В тот день мы с преподавателем дорабатывали проект: простую, но полезную штуку — калькулятор маршрутов для людей на колясках, с учётом пандусов, лифтов и лестниц. Я делал логику, продумывал, как программа будет обходить препятствия, и пальцы уставали, но я не останавливался. Хотелось, чтобы это работало. Чтобы кто-то, кому тяжело ходить, мог спокойно спланировать путь и не бояться, что на полдороге упрётся в ступеньки.

Дома пахло жареной картошкой и укропом — мама что-то готовила. Я скинул обувь, прошёл на кухню и сразу увидел, что она улыбается не просто так.

— Что-то случилось? — спросил я, настороженно, но с надеждой.

— Ничего плохого, — она махнула полотенцем, будто отгоняла мои тревоги. — Просто... я тут подумала. Ты ведь теперь не только в колледж ходишь, не только в магазин. Ты ещё и готовишь. Помнишь, как ты первый раз пытался яичницу пожарить и чуть плиту не поджёг?

Я засмеялся.

— Помню. Теперь я сначала включаю вытяжку.

— Вот именно. И ты не просто «что-то делаешь». Ты делаешь это уверенно. И знаешь... я хочу сказать тебе кое-что. Прости, что раньше я тебя слишком берегла. Что, может, из-за

этого тебе казалось, будто я больше горжусь Артёмом. Это не так. Просто у него всё получалось легко, а у тебя каждый шаг был победой. И я боялась, что если не буду рядом, ты споткнёшься. А теперь вижу: ты не спотыкаешься. Ты идёшь.

У меня в горле встал комок, и я отвернулся к окну, чтобы она не заметила, как у меня глаза щиплет.

— Мам, — сказал я тихо, — я не обижаюсь. Ты делала, как умела. А я... я просто хотел, чтобы ты увидела, что я могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.